

И.С. Слепцова (Кызласова)
**«КОЛЛЕКТИВНАЯ БИОГРАФИЯ»
СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА
(по материалам дневников
ярославского крестьянина П.В. Бугрова)**

В статье анализируются дневники ярославского крестьянина П.В. Бугрова, относящиеся к первой трети XX в. Они являются ценным историческим источником, позволяющим получить достоверную информацию о самых разных сторонах крестьянской жизни. Дневники рассматриваются в контексте микроистории, то есть изучения жизненного пути конкретного человека в конкретных исторических обстоятельствах. Такой подход позволяет реконструировать «коллективную биографию» сельской локальной группы. Мы применяем просопографический метод, при котором рассматривается отдельный аспект или несколько взаимосвязанных аспектов биографии человека, типичных для исследуемой группы. При этом личность анализируется в контексте социального окружения (семьи, локальной группы), изучаются ее взаимоотношения с другими членами социума и функции, которые она выполняет в данном сообществе.

Ключевые слова: микроистория, просопографический метод, биография, дневники как источник, хозяйственные заметки, метеорологические наблюдения.

Irina S. Sleptsova (Kyzlasova)
**“COLLECTIVE BIOGRAPHY”
OF THE RURAL SOCIETY
(on the materials of the diaries
Yaroslavl peasant P.V. Bugrov)**

The article analyzes the diaries of Yaroslavl peasant P.V. Bugrova, relating to the first third of the XX century. They are a valuable historical source, which allows obtaining reliable information about the most diverse aspects of peasant life. Diaries are considered in the context of microhistory, that is, studying the life path of a particular person in specific historical circumstances. This approach allows us to reconstruct the “collective biography” of the rural local group. We apply a prosopographical method at which the separate aspect or several interconnected aspects of the biography of the person which are typical for the studied group is considered. At the same time the personality is analyzed in the context of a social environment (a family, local group), and relationship with other members of society and function which it performs in this community are studied.

Keywords: microhistory, prosopographic method, biography, diaries as source, economic notes, meteorological observations.

Внимание к личности исполнителя является одной из важных черт работ К.В. Чистова, посвященных конкретным жанрам фольклора. Например, публикация причитаний И.А. Федосовой предвзрета биографическим очерком, в котором проводятся параллели между сюжетами причитаний и обстоятельствами ее жизни [Чистов 1981: 3–30]. Отметим, что хотя К.В. Чистов прямо не обращался к изучению эго-документов, то есть письменных источников личного происхождения (автобиографий, дневников, мемуаров, писем и др.), некоторые положения, высказанные им при работе с фольклорными текстами, могут быть приложимы и к анализу такого рода материалов. В частности, мысль об ориентации исполнителя на слушателя и подстраивании текста под конкретную ситуацию может быть экстраполирована на отношения между автором дневника или мемуаров и их предполагаемым читателем. К.В. Чистов показал в своих работах, что в индивидуальном творчестве личное и коллективное начала переплетаются и образуют сложную форму, в которой личные переживания выражаются в устоявшихся фольклорных образах [Чистов 1980: 9–20].

В данной статье мы остановимся на одном из аспектов биографического исследования, связанном с микроисторией, то есть изучением жизненного пути конкретных людей в конкретных исторических обстоятельствах. Применяемый нами *просопографический метод* позволяет рассматривать отдельные аспекты или несколько взаимосвязанных аспектов биографии человека, типичных для исследуемой группы. При этом личность анализируется в контексте социального окружения (семьи, локальной группы), изучаются ее взаимоотношения с другими членами социума и функции, которые она выполняет в данном сообществе. Основное преимущество просопографического метода состоит в том, что он дает возможность рассматривать историю не как набор статичных разрозненных фактов, а в динамике и сквозь призму жизненного пути конкретного человека [Юмашева 1994; Петрова 2005: 641–643; Григорькин 2007]. Мы будем анализировать конкретные проблемы в рамках определенного дисциплинарного дискурса, то есть выделяя из всего спектра жизненных обстоятельств только те, которые связаны с этнографическими реалиями. Помимо прочего, подобный подход позволяет оценить те или иные события с точки зрения их непо-

средственных участников, представить картину мира, отличную от исследовательской.

Предметом рассмотрения в данной статье будут крестьянские дневники, которые служат материалом для изучения не только конкретного индивида (автора дневника) и истории его жизни, но также благодаря описанию им поведения и действий других людей и его референтной группы. Анализ конкретных ситуаций социального взаимодействия дает возможность получить представления о разных сторонах крестьянской жизни, а авторская интерпретация описываемых событий позволяет выстроить аксиологическую шкалу всего деревенского социума в целом. Личный взгляд автора дневника на те или иные события отражает картину массовых настроений в социуме, показывает, как мировоззренческие и идеологические установки преломляются в обыденном сознании, а также какие обстоятельства приводят к их трансформации. Анализ описаний автором дневников конкретных жизненных ситуаций позволяет проследить причины формирования новых ценностных и этических установок, а также поведенческих стереотипов. Таким образом, на основе дневников может быть сформирован реконструктивный образ «коллективной биографии» того или иного сообщества.

Итак, используя вышеизложенные принципы просопографического исследования, мы попытаемся проанализировать дневники ярославского крестьянина П.В. Бугрова и продемонстрировать на конкретных примерах, как в лично маркированном тексте проявляются коллективные стереотипы и установки, как история жизни индивида отражает историю социума.

О собрании П.В. Бугрова. Дневники, о которых пойдет речь, написаны крестьянином д. Ворокса Боровской волости Даниловского уезда Ярославской губ. Они хранятся в Фонде документов личного происхождения Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Все собрание П.В. Бугрова насчитывает 327 единиц хранения и состоит из его записных книжек (41 единица хранения), официальных бумаг (паспорта, свидетельства о выполнении воинской повинности, судебных документов), его писем к сыну, родственникам и знакомым, ответных писем, почтовых и подписных квитанций, лотерейных билетов, расчетных книжек, царских и советских денежных знаков и т.п. (подробнее

см.: [Артемьева 2012: 109–112]). Он скрупулезно собирал самые, казалось бы, незначительные «бумажки», но это обстоятельство дает возможность исследователю в подробностях реконструировать историю жизни крестьянина.

Об авторе дневников. Павел Васильевич Бугров родился в 1869 г. в очень бедной крестьянской семье. В детстве с ним случился паралич «от крику пьяного отца», последствия которого сказывались всю жизнь. Вероятно, бедность и болезнь помешали ему получить образование, он ходил в школу только одну зиму, хотя несколько раз записывал в дневниках, что «учился хорошо, но сильно баловал, часто ставили на колени и болваном» [ЯМЗ-18152/20, 1915 г. Здесь и далее цитаты даются в современной орфографии. — И.С.]. В юности он несколько месяцев работал в Петербурге. В 1890 г. был призван на военную службу, но довольно быстро был уволен с нее по болезни. В своих воспоминаниях о службе он упоминает, что «был гармонист, имел ротную гармонию, играл под пляску для солдат-новобранцев до мозолей на пальцах от гармони» [ЯМЗ-18152/41, 1929–1930 г.]. После армии он жил и работал у своего старшего брата, однако в пьяном состоянии ударил вилкой в ногу свою невестку, жену брата, что привело ее к инвалидности. За это он получил полтора года наказания в арестантских исправительных ротах. По возвращении из тюрьмы он не мог вернуться к брату и проживал то у одного, то у другого родственника, перебиваясь случайными работками. В 1897 г. ему удалось купить маленький домик — «келью» у своего дяди, тогда же он женился на крестьянке из Шенкурского уезда Архангельской губ., у которой был девятимесячный внебрачный сын. Дальнейшая его жизнь также была очень нелегкой. Не имея земельного надела, он долгое время был вынужден зарабатывать на жизнь поденным трудом. Да и позже, когда ему удалось взять в аренду душевой надел и купить телку, экономическое положение семьи стало не намного лучше. В семейной жизни тоже было много тяжелого: из восьми рожденных в браке детей выжили только двое. Его вспыльчивость и импульсивность, частое пьянство, игра в карты и побои жены и детей осложняли семейную жизнь. Жена с детьми три раза пыталась уйти от него, но все же возвращалась обратно. В конце жизни ему еще пришлось пережить смерть своего приемного сына, жены и маленького внука.

Если попытаться охарактеризовать личность П.В. Бугрова, то, вероятно, главной его чертой будет любознательность, он обладал особым складом ума, который можно назвать исследовательским. Назовем его «наивным естествоиспытателем». Так, Бугров проводит эксперименты и наблюдения за домашними животными и растениями, записывает зависимость урожая от количества вносимых на разных участках удобрений, а также влияние качества корма на здоровье скотины, на протяжении многих лет ежедневно ведет метеорологические записи и т.д. Нередко фиксация тех или иных заинтересовавших его явлений сопровождается заметками «всё проверю», «вперед наука». Это хорошо отражает общий принцип крестьянского мышления, построенного на обобщении множества эмпирических фактов, наблюдаемых в окружающей действительности и представляемых в виде системы традиционных знаний как в бесписьменной, так и в письменной форме. Это обстоятельство налагает определенные ограничения на наши выводы о типичности некоторых черт личности и мыслительных стереотипов, выявляемых при анализе биографии Бугрова. Однако можно утверждать, что именно специфический взгляд на описываемые Бугровым в своем дневнике явления и используемые им способы описания окружающего мира дают повод для выделения некоторых важных доминант, характерных для крестьянского мировидения в целом.

Мотивы ведения дневников. Записные книжки П.В. Бугров вел с 1897 г., со времени своей женитьбы, до самой смерти в 1934 г. (к сожалению, дневники за первые три года не сохранились «из-за расходу с женой»). Вероятно, сделать это его заставила необходимость упорядочить финансовые дела, свести концы с концами. Книжки первых лет содержат в основном только фиксацию заработков и расходов. Хотя уже в дневнике 1900 г. появляется подробная заметка о том, как П.В. Бугрову досталась «келья» после смерти его тетки в 1897 г. Вероятно, он повторил описание этого события из более раннего несохранившегося дневника. Для него это было очень большим событием: «...ну-тко, я буду хозяин дому, никто меня не притеснит». Со временем описание различных событий и комментарии к ним занимают все больше места, хотя практический характер (записи расходов и заработков) продолжает преобладать.

Через несколько лет в записных книжках появляется неоднократно и в разных формах повторяемая заметка о цели ведения дневников, о желании рассказать о себе и своей жизни: «Это все для памяти Павла Васильевича Бугрова». Кроме того, он интересовался историей семьи, расспрашивал стариков о своем отце и деде и записывал их рассказы. Есть у него воспоминания и о матери. Нередко автор возвращался к описанию прошедших событий, давал им оценку. Он писал свои записки не столько для себя, сколько для потомков: в дневниках присутствуют неоднократные обращения к детям, которые будут их читать. Воспитательная цель записок очень хорошо отражена в одной из его заметок: «Прочтут дети мои все дневники со вниманьем и скажут, незавидна же путь жизни наших родителей» [ЯМЗ-18152/10, 1907 г., 5 октября]. Поэтому можно сказать, что главные мотивы его записок — хозяйственно-экономический, коммуникативный и дидактический.

Структура дневников. Стержнем дневниковых записей с 1900 по 1915 г. является фиксация доходов и расходов. Они структурированы по приходно-расходному принципу, то есть записывались заработок П.В. Бугрова и его жены, впоследствии детей, и покупка товаров, страховка, налоги и пр. Сведения вносились в разлинованные от руки таблицы, в которых первый столбец — дата, второй — сведения о работе или расходовании денег (виды выполненных работ, покупки, другие необходимые выплаты и т.п.), третий и четвертый — рубли и копейки. Причем, для каждой позиции делалась своя таблица, например «продукты» состояли из рубрик: «хлеб ржаной», «хлеб пшеничный», «крупа», «крендели», «масло коровье», «масло постное», «масло божье», «мясо», «чай», «сахар», «соль», «огурцы и картофель» или «овощи», «вино» и т.д.

Позже принцип записей был изменен на погодный, то есть каждый день фиксировались погода и направление ветра и попутно приводились какие-либо сведения, которые П.В. Бугров посчитал наиболее важными. Погодные записи вначале были довольно фрагментарны, но со временем сложился алгоритм, согласно которому и происходила их фиксация. Выработалась особая формульность погодных записей с указанием температуры, облачности, направления и силы ветра, например: «Красно, холодно, ветряно, ветер задней (то есть северный. — И.С.)» или «жарко, пасмурно, дождь,

тихо». Больше всего внимания уделено описанию экстраординарных явлений природы: шаровая молния, сильное наводнение на Волге, ураган и т.п.

После «хозяйственной части» следовали рубрики «Газеты и разные книги и календари», «Разные события», куда заносилась информация о различных происшествиях, выписанных газетах, журналах и книгах, о болезнях и лечении людей и домашней скотины, способах изготовления и починки тех или иных вещей и т.д. Приводилось содержание отосланных писем разным людям и ответов на них. После начала Первой мировой войны появились рубрики: «Жертва на войну или на раненых», «Сколько взято человек на войну», «Сколько убито и ранено людей», «Набор лошадей на войну» и т.д.

Много ценной информации для «коллективной биографии» содержит раздел «Умершие в деревне Вороксе», который П.В. Бугров вел на протяжении почти 20 лет. Практически все записи содержат характеристики, иногда очень подробные, с указанием продолжительности жизни, болезни, причин смерти, описанием биографии и личных качеств покойного.

Каждый дневник заканчивается записью долгов П.В. Бугрова, анализ которых также может быть полезен. Выявляются круг постоянных заемщиков, людей более состоятельных, размер займа и его назначение.

Содержание дневников. Теперь обратимся к содержанию дневников и попытаемся описать отдельные аспекты биографии автора, которые типичны для исследуемой группы, а также выделить структуру индивидуальных интересов и приоритетов, отраженных в дневниковых записях, в которых просматриваются стереотипы группового поведения и мышления.

Постоянной и главной темой, или топиком, дневников является **хозяйственная проблематика**: доходы и расходы, структура хозяйства (скотоводство, огородничество, полеводство, подсобные занятия — заготовка прутьев, плетение корзин и т.п.), рацион питания, обеспеченность одеждой и обувью. Данный топик является ключевым для воссоздания реконструктивного образа сельского социума, поскольку в нем отражаются основные ценностные его доминанты. Хозяйственная деятельность связана с внутренней жизнью

социума и является центром жизненных интересов любого крестьянского сообщества, от нее зависит благополучие семьи, взаимоотношения с другими членами общины, здоровье и достаток членов семейства. Показательно, что за время ведения дневников этот компонент претерпел в основном количественные изменения, но мало трансформировался качественно. Это отражает устойчивость как хозяйственного уклада, так и мировоззренческих и аксиологических установок крестьянина, несмотря на резкие трансформации в социально-экономической реальности первой трети XX в.

Если сравнить структуру доходов и расходов в 1900 и 1913 гг., то они примерно одинаковы. Основной заработок приносят погрузочно-разгрузочные работы на барже в период навигации на Волге, а на различные поденные работы у односельчан приходится меньше половины годового дохода. Заработок жены А.А. Бугровой — меньше 20 % заработка мужа. Структура расходов в эти годы также одинакова: больше всего денег уходит на приобретение ржаной муки, затем с большим отрывом следуют траты на пшеничную муку, крупы (в основном пшено, меньше — греча), растительное масло («коровье» масло покупалось очень редко), картофель, огурцы, капусту и сахар. Расходы на мясо (в том числе ливер и требуха) составляют около одной пятой расходов на хлеб и крупы. На одежду, обувь и домашние принадлежности расходуется сумма, сопоставимая с расходами на питание. Надо отметить, что в 1913 г. экономическое положение семьи несколько улучшилось, так как в предыдущие годы удалось приобрести корову, продажа телят и молока от которой приносила дополнительные средства. Довольно трудно провести сравнение с более поздним периодом, поскольку на структуру потребления большое влияние оказали Первая мировая и Гражданская войны и последующие разруха и голод. В 1930-е годы П.В. Бугров уже не вел подробных хозяйственных записей, поэтому можно только дать самую общую характеристику семейной экономике.

С хозяйственным топиком непосредственно связана **тема погоды** как явления, от которого во многом зависит благосостояние крестьянина. Его постоянным наблюдениям за погодой свойственны черты «научного занятия». Например, он пытается опытным путем проверить, верно ли представление о связи погоды весной и осенью с зимней и летней: «Для памяти: зима — на лето, весна —

на осень» [ЯМЗ-18152/8, 1905 г.]. С этой целью он на протяжении нескольких лет вел таблицу соотношения погодных условий по месяцам весны и осени, зимы и лета. Листы тетради поделены пополам, в левой половине проставлены все дни апреля с указанием погоды на каждый день, а в правой — октября. То же март — сентябрь и декабрь — июнь. Затем помесячные записи сводились вместе и давалась обобщенная характеристика погоды по месяцам и сезонам. На основе рассмотрения и сравнения погодных условий делается вывод: «Это примета моя: нехорошая погода осенью, нехорошая и весной» [ЯМЗ-18152/34, 1924 г.]. В своих «метеорологических исследованиях» П.В. Бугров пытается опереться на научные данные, он переписывает из февральского номера газеты «Русское чтение» за 1914 г. прогноз погоды на предстоящий год «ученого астронома господина Н.А. Демьинского», но критически относится к нему, замечая «сбудется или не сбудется, узнаю после и все проверю» [ЯМЗ-18152/19, 1914 г.].

Другой постоянно присутствующий топик — **тема здоровья** самого П.В. Бугрова и его семьи. Отношение к здоровью носит у него рационалистический характер. Так, он справедливо считает, что его болезни связаны с тяжелой работой на разгрузке барж и курением: «Махорочный дым вдыхаешь в себя, аппетит на пищу пропадает, проходит по всем жилам, но курить махорку не отстать» [ЯМЗ-18152/35, 1925 г.].

Подход к здоровью у него также имеет «научный» характер. Приведем лишь один пример его «научных исследований», которые служат основой важных для автора выводов о физической природе человека. Павел Васильевич, старый курильщик, которого одолевал кашель с мокротой, решил проверить, сколько мокроты выделяется за день, начал собирать ее в чайную чашку. Оказалось, что за сутки «нахаркал, насморкал» полную чашку. «Вот, подумал я, если мерить этой чашкой месяц в 30 дней, во мне не будет весу около 15 фунтов. А если год 12 месяцев, то человек не проживет году, лишась около 5 пудов такой слизистой и тягучей поднебесного цвета массы» [ЯМЗ-18152/37, 1925–1926 гг., 22–24 января].

Также рационально объясняет он и болезни детей, которые обусловлены плохим питанием и отсутствием ухода. «Ходила жена по миру по зимам. Жить было трудно, трое детей, и все маленькие.

Ни пашни, ни скотины не было. А детки рождались часто. Много детей померло от недостатка содержания и уходу за ними. Летом матке некогда. А чужих держать няnek не было средства. На одном хлебе нянки не жили, уходили. А нанимали водиться с детками по-денно или по-недельно своих старух или девочек. Жизнь была, как вздумаешь о прошлом, так сердце и сжимается от боли» [ЯМЗ-18152/10, 1907 г., 5 октября]. Обычно он описывает симптомы болезни детей (например, «жгло и понос», «болезнь была коклюш» и т.д.) и их лечение. Как правило, за помощью обращались к фельдшеру и покупали лекарства в аптеке («Лисутке от грыжи киндербальзам в аптеке в Вятском» и др.). В 1911 г. он составляет список пяти умерших детей, который заключает словами: «Померли дети, по моему мнению, от плохой пищи и уходу за ними из-за бедности» [ЯМЗ-18152/15, 1911 г.].

Важным топиком является **тема семейной жизни и взаимоотношений между членами семьи**. На основе дневниковых записей можно довольно полно реконструировать такие стороны крестьянской жизни, как состав семьи, распределение работ, финансы, семейная иерархия, положение женщины и др. Много внимания Бугров уделяет детям. Он фиксирует даже небольшие происшествия, связанные с ними, например: «Лизу отлучали от титьки грудной» [ЯМЗ-18152/7, 1904 г., 15 ноября]. «Начала ходить дочь Лиза. Только один раз переступила и потом все еще ползает. Это было ей от роду один год, два месяца и 12 дней» [ЯМЗ-18152/7, 1904 г., 27 декабря]. Нередки записи об обучении детей в школе, начале их работы, первых заработках и т.д. Хотя, казалось бы, все это свидетельствует о его любви к детям, однако он довольно часто прибегал к физическому наказанию. Возможно, Бугров и расценивал такое поведение как греховное, так, в обете, принимаемом на Великий пост, он среди прочего записывает: «не бить жену и детей» [ЯМЗ-18152/8, 1905 г., 28 февраля], однако из других записей следует, что и в дальнейшем он продолжал практиковать такое же поведение.

Со временем все чаще появляются описания ссор с подростком сыном. Они отражают типичный конфликт «отцов и детей», связанный со стремлением последних к самостоятельности и нежеланием отцов поступиться своей властью. «Перестал отдавать заработку Гринька и самовольно купил штиблеты у Василия Хортова

и не стал ночевать дома. Это всё настройство посторонних людей. И я сильно расстроился. А он уехал в Рыбинск на дорожную заработку. И деньги начал тратить зря. Только и заработал 50 рублей и положил на книжку в сберегательную кассу, будто бы для солдатства. <...> Значит, когда дети вырастут большие, то говорить и учить нельзя, а то уйдут. Дело вышло из-за штиблет. Говорил: “Гринька, погодим покупать, штиблеты теперь дороги”. А Гринька пошел из избы и сказал: “Ну так не покупайте”. И на Петров день купил штиблеты у Василия Хортова. И не стал ночевать дома, или боялся, или осердился, не знаю. А потом уехал в Рыбинск. Но я вот до чего расстроился, не находил себе места. Сильно мне было жаль Гриньки» [ЯМЗ-18152/23, 1916 г., 28 июня].

Наиболее ярко стереотипы группового поведения и сознания представлены в сфере гендерных отношений, которые в традиционном сельском социуме имели патриархатный характер. Вот только одна заметка о ссоре с женой, причиной которой является, по мнению Бугрова, ее неправильное поведение: «Захворал, заболело в груди, перестало позывать на пищу и питье, плохо спал, расстроила жена. Захворал от расстройства, разругался с женой. Причина ругани — послал жену за газетой к соседу, и она изволила ходить цельные два часа. Самовар был поставлен, и мы все угорели от самовара. Ей попало по роже за это от меня. Вперед наука жене» [ЯМЗ-18152/17, 1912 г., 18 февраля].

И в дальнейшем во всех конфликтах с женой Бугров винит жену, однако описание им истории своей женитьбы убеждает, что причиной семейных неурядиц часто становились его деспотический характер и грубое обращение с женой. В дневнике 1911 г. он приводит подробное описание конфликтов с женой, произошедших на протяжении предыдущих четырнадцати лет жизни в браке. «Ушла жена 1897 г. 20 ноября накануне престольного праздника Введеньева дня. Причина побегу моя: не успел недели прожить, начал издеваться и куражиться в пьяном виде над женой и жил врозь около 6 месяцев. На второй день Пасхи привез жену домой, 1898 г. она 6 апреля беременела.

Ушла жена 1898 г. 4 июня. Разошлись по-хорошему. Провожал жену и внебрачного сына Григория до березного поля. Муж и жена во время прощанья расплакались. Причина побегу: не на что было

содержать жену и сына. Плоха была женитьба молодого и неопытного жениха. Начал ходить к жене и просить ее, чтобы пришла обратно ко мне, но жена отказалась совсем. 1898 г. подала прошение к разводу в волостной суд 8 июля. А я подал встречное прошение, чтобы жена приходила жить к мужу и я от нее не отказываюсь. И суд ей в просьбе отказал и присудил привести с полицейским жену к мужу. Волостной старшина был в это время А.Г. Тукунов. Пришла жена 1899 г. 23 мая и с двумя сыновьями Григорием и Михаилом и с этого времени жили вместе до 1907 г.

Ушла жена 1907 г. 5 октября. Причина побега была ее: ушла с тремя детьми с Григорием, Лизаветой и Константином. Приревновал ее к приказчику завода Понизовкина к Петру Леонтьевичу Болотову, когда она косила у Понизовкина. Говорила мне, как Болотов просился к нам в избу чай пить. С этого разу и пошел скандал и драка. Бегала жена две недели <...> и конец пустякам» [ЯМЗ-18152/15, 1911 г.].

Даже сообщение о смерти жены и приемного сына Григория отмечены печатью гендерной асимметрии. Если о смерти жены сообщается только дата смерти и ее желание быть похороненной в воскресенье («1927 г. декабря 31 дня ст.ст. ночью против пятницы в час ночи умерла Анна Алексеевна Бугрова, 59 лет от рожденья, мать Григория. Хоронили в воскресенье 1928 г., так она сама наказывала, чтобы схоронить в воскресенье, потому что больше будет народу при похоронах, когда была жива. Этот наказ мы выполнили»), то смерть приемного сына, последовавшая через полтора года, описывается со многими деталями, касающимися его службы на флоте, работы, хода болезни, обстоятельств смерти и «красных похорон».

В 1920-е годы появляются записи, из которых становится ясно, что прежних отношений в семье, основанных на непререкаемой власти отца, уже не существует. Часты сетования на непослушание и грубость жены и детей. Хотя П.В. Бугров демонстрировал такой же стиль поведения по отношению к своим родным еще лет десять назад, но он считал это нормой, однако когда столкнулся с аналогичным отношением к себе, то воспринял это чрезвычайно болезненно, как слом всей жизни. В этих записках отражается характерная для крестьянского сознания система ценностей, построенная на патриархатных принципах. «Так расстроился с жизнью, никто

не слушает, делают нехотя, потому из крестьянства ничего не выходит. Придется, видно, сказать, как хотите, так и делайте. <...> Скажешь что-нибудь из прожитой жизни, что надо, а что не надо, даже обругаешь толстой матерью, то есть по-матерны, а если хлестнешь по рожу с досады, то получишь обратно. А матка станет дыбом против мужа и станет предьявлять, как жили раньше, когда дрался или ругался, и я тебя боялась. Но теперь, говорит, не раньше и срать на тебя не хочу. И этим рассказам и упрекам на мужа озлобляет детей против отца» [ЯМЗ-18152/32, 1924 г., 4 июля]. «Жизнь моя становится скверная, нападает жена вместе с детьми, что я ничего не делаю, даром хлеб жру и ругаются. Но мне сильно обидно» [ЯМЗ-18152/35, 1925 г., 31 октября]. Таким образом, конфликтные ситуации в семье передают динамику общественных интересов и мировоззренческих принципов.

Еще одним важным топи́ком стало то, что условно можно назвать **«политикой»**. Речь в данном случае идет об интересе автора дневников к событиям общегосударственного масштаба, которые являются внешними по отношению к жизни сельского социума, но которые при этом непосредственно затрагивают многие важные стороны как отдельно взятой личности, так и всего коллектива. Эта тема стала активно проявляться с началом Первой мировой войны. Много записей посвящено отражению настроений крестьян и влиянию войны на жизнь деревни как в экономической сфере, так и в социальной и духовной. Бугров отмечает: «Усилилась выписка газет с июля 1914 г. по случаю войны страшной». В деревне 9 человек выписывали по одной газете, Павел Васильевич выписывал газету и журнал «Огонек». В 1915 г. число крестьян, выписывающих газеты и журналы, увеличилось до 16, а в 1916 г. — до 27 человек. Он активно откликается на призыв о помощи раненым. Жертвует на раненых в октябре–декабре 1914 г. 2 руб. В 1915 г. в благотворительной лотерее «в пользу раненых и больных воинов, куплено 10 купонов по рублю за купон, итого на 10 руб.». (Для сравнения: цена одного дня работы по разгрузке баржи — 1 руб., рытья картошки — 60 коп.) Поддерживает введение сухого закона. «Кончилась продажа вина от казны. Слова Петра Первого: “Небываемое бывает”. Так и вино. Кончила торговать казна и квит пяткам. И остались все довольны и спокойны. Надо благодарить, во-первых, Госу-

даря. А вторых, кто желал этого и потрудился на пользу всех. Кто жив — доброё здоровье. А умер — так Царство небесное» [ЯМЗ-18152/19, 1914 г., 20 июля].

В период Первой мировой войны стремительно меняется крестьянское сообщество, разбиваясь на различные группы интересов. Очень информативны описания Бугровым конкретных ситуаций, в которых проявляются разные социальные типы и различные социальные установки, как, например, в эпизоде с пожертвованием на фронт. Здесь перед нами предстает социальный тип с повышенной жертвенностью и самоотречением, который противопоставляется расчетливо-прагматичному типу казначея, во многом знаменующему новую эпоху. «Событие в кредитном товариществе. Я пришел в кредитное товарищество занять денег 50 руб. для покупки акций государственного займа 1915 г. А деньги эти собирались на войну. А купить хотел билет не для своей пользы, а помочь государству в войне с Германией. А мне сказал казначей Ив. Лог. Серов: “Видно, — говорит, — у тебя денег много”. Не посоветовал купить билеты. Я говорю: “Так как же, я за этим пришел”. И писец Василий Дружинин мне сказал: “Давай запишем хоть на хлеб”. Ну, я говорю: “Пиши, если нельзя на государственный заем”. Значит, я солгал, на что брал, это не своей волей» [ЯМЗ-18152/20, 1915 г.].

Дневники позволяют проследить происходящие трансформации индивидуального и коллективного сознания. Несмотря на явную рациональность и прагматичность, стремление к новшествам, демонстрируемое Бугровым в хозяйственной сфере, он придерживался достаточно консервативных взглядов в идеологической и политической областях. Об этом красноречиво свидетельствуют дневниковые записи. Например, в 1911 г. он записывает: «Все люди в нашей деревне Вороксе стали ненавидеть друг друга. С соседями ругаются, друг у друга воруют. Ни в ком не стало справедливости, все врут. Никто не стал ходить в церковь, не стали подавать милостыню. Одним словом, совсем отступились от православной веры» [ЯМЗ-18152/15, 1911 г.]. С началом войны эти настроения только усиливаются. «Сильный упадок веры православной, никто не понимает Священного Писания, никто не ходит в церковь. Только норовят, как бы обмануть друг друга. Господи, да пройдет ли все это. Жить стало невозможно» [ЯМЗ-18152/23, 1917 г.].

Некоторые записи отмечают возникновение такого важного явления в крестьянском сознании, как идеологическая неоднородность: «Пропадают газеты в деревне Вороксе. Газеты эти считают черносотенными, то есть газеты эти неверующие люди в Бога и не знающие правды на земле, говорят, что это всё врут, нас обманывают. <...> Господи, помоги народу этому дать просвещение с высоты верующих в Бога и просвещенных людей страны нашей России. И вот газету “Сельский вестник” нельзя почитать на улице при народе. А то скажут: “Уйди-ко ты с ней, говна-то не слыхивали”. И вот я принужден газету “Сельский вестник” читать один» [ЯМЗ-18152/20, 1915 г.].

Дальнейшие записи, относящиеся к советскому периоду, позволяют выявить некоторую эволюцию в установках и идеологических пристрастиях автора. В них появляются элементы риторики, характерные для официального советского дискурса. «Советское управление государством существует год. Управлять деревней всем народом, даже судить споры и драки односельчан, снабжать неимущих всем необходимым в жизни» [ЯМЗ-18152/27, 1918 г.]. «Праздник октябрьского переворота 1917 г. 25 октября. Величайший новый праздник переворота» [ЯМЗ-18152/35, 1925 г., 25 октября]. П.В. Бугров интересуется книгами, в которых описывается новая реальность: «Был я у учительницы Зинаиды Павловны Мухиной за книжкой об Ленине. Она мне ее дала. В ней писано, как он всегда ласково обращался с детками, они его одобряют, и о смерти его. Как он умер. И с картинками его детство и смерть» [ЯМЗ-18152/35, 1925 г., 30 ноября].

Еще одной темой, которая присутствует практически во всех дневниках, является **представление духовных и интеллектуальных интересов**. На протяжении всего периода ведения записей встречаются упоминания о покупке книг на разные темы: от исторической литературы (например, об удельных князьях или книги 1785 г. об Англии) до пособия по мыловарению, плетению корзин из ивовых прутьев или руководства по разведению кроликов и т.п. Преобладает литература практического назначения. Но также покупались и выписывались книги и журналы для детей «“Конек-горбунок” и журнал “Жаворонок” для детей Лизы и Кости на 1917 г.» [ЯМЗ-18152/23].

П.В. Бугров характеризует себя как «страшного любителя древностей». Он покупал каталоги старинных денег и марок, а также сами старинные монеты. Кроме того, он проводил своего рода «исторические исследования», расспрашивая стариков о прошлом. Например, его интересовало, когда появился в Воротке первый самовар, когда построили старую часовню, какие фамилии были в Воротке раньше, сведения о происхождении прозвищ, наименовании родственников раньше и теперь, о своем деде Никите. Приведем запись рассказа «дедушки Ивана про моего дедушку Никиту. Как в праздник ходил по домам и плясал на кавтане за чашку вина. Вино очень любил, а дома вина у него не было, так как было очень бедно. В праздники годовые Петров день и Введеньев день. И помнит дом моего прадедушки, как звали его, не помнит. Я сколько раз спрашивал, как зовут отца дедушки Никиты. “Никак, — говорит, — не могу вспомнить Никиту по отчеству”. И видно, что бедных не величали. А про других так называет по отчеству. Я спросил про отца Ивана Петровича, так он сразу сказал: “Петр Семеныч или Максимыч”» [ЯМЗ-18152/33, 1924 г.].

Большое внимание в дневниковых записках уделено сюжетам, которые прямо не связаны с крестьянским хозяйством (например, описание археологических находок и связи с Ярославским историческим музеем). При разработке песчаного карьера был найден каменный молоток, который П.В. Бугров зарисовал в своем дневнике и о котором сообщил в Ярославский музей. Через некоторое время он получил благодарность от музея, о чем с гордостью записал в дневнике. «1930 г. сентября 9 дня нового стиля <...> письмо получено из Ярославля от Государственного исторического музея из краеведческого отдела. Письмо печатано машинкой Павлу Васильевичу Бугрову. Благодарят меня за доставленные мною два каменных топора “каменного века”: в 1928 г. в мае первый топорик, а второй в 1929 г. в августе. Вес первого молотка три четверти фунта красно-рябого камня, а второй молоток синего камня, весу около полутора фунтов. И бесплатный вход в Ярославский исторический музей краеведческий отдел» [ЯМЗ-18152/41, 1929–1930 г.].

П.В. Бугров демонстрирует очень широкий круг интересов. Так, когда его приемному сыну Григорию пришлось служить на Каспийском флоте и жить в Баку, то П.В. Бугрова очень интересо-

вала местная жизнь: «Послано письмо Гриньке в город Баку. <...> Просьба Гриньке о климате, и птицах, и севе. Долга ли зима в Баку и рано ли сеют хлеба» [ЯМЗ-18152/29, 1921 г., 7 января]. Полученные ответы заносил в дневник. «11 февраля получено письмо от Гриньки из Баку. Писано в письме о жителях. Пашут на буйволах и верблюдах деревянными плугами некультурно. 21 февраля получено письмо от Гриньки из Баку. <...> Писано из жизни Кавказа, о ишаках и рисе, как сеют. 2 марта получено два письма от Гриньки из Баку. Писано о порядках в Персии, и климате, и зверях, и птицах, и лесах, и о нефти в Баку и как ее достают» [ЯМЗ-18152/29, 1921 г.].

Таким образом, изучение дневниковых записей из фонда П.В. Бугрова позволяет реконструировать «коллективную биографию» сельской локальной группы. Анализ содержащихся в дневниках сведений дает возможность охарактеризовать экономические, демографические и социокультурные процессы, происходившие в ярославской деревне в один из наиболее сложных переломных периодов русской истории. Благодаря непрерывной фиксации на протяжении более чем тридцати лет данные материалы позволяют увидеть трансформации процессов, особенно в экономической и социокультурной сферах.

Источник

ЯМЗ-18152 (Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). Собрание П.В. Бугрова.

Библиография

Артемьева Н.В. Дневники крестьянина П.В. Бугрова из собрания Ярославского музея-заповедника как исторический источник // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения И.А. Тихомирова. Ярославль: ИПК «Конверсия», 2012.

Григорькин В.А. Новое концептуальное направление исследования культурного наследия // Известия Алтайского гос. ун-та. 2007. Вып. 4-2. С. 43–45.

Петрова М.С. Просопография как метод исторического исследования // История через личность: Историческая биография сегодня. М.: Кругъ, 2005. С. 641–703.

Чистов К.В. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.

Чистов К.В. Народная поэтесса (И.А. Федосова) // Федосова И.А. Избранное / Сост. К.В. Чистов; подг. текстов К.В. Чистова, Б.Е. Чистовой. Петрозаводск: Карелия, 1981. С. 3–30.

Юмашева Ю.Ю. Проблемы просопографии // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1994. № 12. Сент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf>.

References

Artem'eva N.V. Dnevnik krest'ianina P.V. Bugrova iz sobraniia Iaroslavskogo muzeia-zapovednika kak istoricheskii istochnik. XIII Tikhomirovskie kraevedcheskie chteniia. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Tikhomirova. Iaroslavl': IPK «Konversia», 2012.

Grigor'kin V.A. Novoe kontseptual'noe napravlenie issledovaniia kul'turnogo naslediia. Izvestiia Altaiskogo gos. un-ta. 2007. V. 4-2. Pp. 43–45.

Petrova M.S. Prosopografiia kak metod istoricheskogo issledovaniia. Istoriia cherez lichnost': Istoriicheskaia biografiia segodnia. Moscow: Krug, 2005. Pp. 641–703.

Chistov K.V. Russkie skaziteli Karelii. Ocherki i vospominaniia. Petrozavodsk: Kareliia, 1980. 256 p.

Chistov K.V. Narodnaia poetessa (I.A. Fedosova). Fedosova I.A. Izbrannoe. Eds.: K.V. Chistov; B.E. Chistova. Petrozavodsk: Kareliia, 1981. Pp. 3–30.

Iumasheva Iu.Iu. Problemy prosopografii. Informatsionnyi biulleten' Assotsiatsii "Istoriia i komp'iuter". 1994. no. 12. Сент. [Elektronnyi resurs]. URL: aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf.